

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Колосова Дарья Ивановна

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ НОМИНАЛИЗАЦИИ
ДЕЙСТВИЯ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ
Направление: «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: Тюркская филология)

Научный руководитель:

к.ф.н. Матушкина Н.А.

Рецензент:

к.ф.н. Телицин Н.Н.

Санкт-Петербург

2018

Содержание

Введение	3
Глава 1. Понятийный аппарат.....	6
Глава 2. Причастие.....	15
Глава 3. Деепричастие.....	33
Глава 4. Имя действия.....	49
Глава 5. Субстантивно-адъективные формы.....	55
Заключение.....	63
Список цитируемой литературы.....	65
Список источников.....	69
Список сокращений названий художественной литературы.....	69
Список сокращений, используемых при глоссировании.....	70

Введение

Вопрос взаимоотношений глагола и имени стал одним из первых предметов исследования наук о языке, начиная с античной философии и лингвистики. Платон, Аристотель, Апполоний рассматривали глагол и имя как две противопоставленных друг другу основных части речи.¹ Русская лингвистика познакомилась с этой точкой зрения еще в XVIII в. Впоследствии на основании этой теории сформировалось своеобразное учение о глаголе как о центральной категории языка, присвоившей себе основные формы и функции других грамматических категорий и создавшей свои особые «колонии» в области всех частей речи (кроме имен числительных и местоимений).² Так сложилось первое представление о глагольных именных формах. Г.П. Павский различал в категории глагола четыре класса: «а) глагол в полном виде; б) глагол в виде имени существительного — неопределенное наклонение; в) глагол в виде имени прилагательного — причастие; г) глагол в виде наречия — деепричастие».³ Классификация Павского отражает основные свойства глагольных именных форм: формы служат для оперативного представления действия в виде предмета, признака или обстоятельства, не теряя значения «глагольности». Л.В. Щерба отмечает, что инфинитив, деепричастие и причастие можно считать «формами одного слова – глагола, потому что все они имеют общее значение действия».⁴ Именно эти особенности глагольных именных форм, а не морфологические внешние признаки являются определяющим критерием выделения категории глагольных именных форм в рамках представленной работы. Так, автор считает необходимым при анализе категории в первую очередь учитывать его синтаксическую и семантическую роль в рамках функционально-семантического подхода.

---

¹ См.: Аристотель. Категории / Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск.: Лит., 1998. – 1391 с.

² Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. С.353.

³ Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. СПб., 1850. С.13.

⁴ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Аспект Пресс, 2007. С.78.

Целью исследования является анализ глагольных имен современных агглютинативных языков, выявление и сопоставление структур глагольно-именных категорий, сравнение их функционирования, значений и синтаксических функций. Сопоставление проходит в рамках сравнительно-типологического языкознания и обусловлено интересом исследователя к типологическим свойствам категории глагольных имен на пути познания общих особенностей агглютинативных языков. Путем анализа и сравнения ситуаций употребления, способов построения словоформ, семантики и функций глагольных имен агглютинативных языков автор стремится более глубоко рассмотреть функционирование глагольных имен как категории. Для достижения этих целей перед автором стоят следующие **задачи**:

1. Подготовка теоретической базы, необходимой для всестороннего изучения обозначенной выше темы;
2. Анализ глагольных имен в агглютинативных языках;
3. Исследование достижений лингвистики языков агглютинативного строя и применение их принципов к другим языкам для общелингвистического анализа;
4. Выявление соответствий между функционированием и значением глагольных имен каждой категории.

Работа состоит из пяти глав, введения и заключения. Четыре главы посвящены обзору глагольных адъективных, адverbиальных, субстантивных и субстантивно-адъективных форм соответственно. Понятия и концепции, используемые в работе, представлены в главе «Понятийный аппарат».

Рассматриваемые автором языки объединены общим морфологическим строем – агглютинативным. Ввиду особенностей языков этого типа категория глагольных имен получила особое развитие, функционально заменив союзы индоевропейских языков. Однако существование отличных лингвистических подходов, малодоступность материала одних языков для исследователей других языков создают условия ограниченности научного лингвистического дискурса, лишая специалистов доступа к выводам и открытиям в схожих областях знания.

Представленная работа стремится объединить усилия теоретиков грамматики языков, не связанных генетически, но действующих по одним законам. Этим обуславливается **актуальность исследования**.

Объектом исследования являются глагольные имена в агглютинативных языках. **Предмет исследования** – их общие свойства и особенности функционирования.

Приведенные в работе примеры из оригинальных текстов сопровождаются транскрипцией и грамматическим комментарием. Сокращения, используемые автором при глоссировании, представлены в конце работы.

Глава 1. Понятийный аппарат

Ввиду отсутствия в академической среде единого мнения по поводу ряда филологических и общенаучных терминов автор считает необходимым раскрыть содержание понятий, использованных в работе, во избежание ложного восприятия материала читателем. Цель автора в данной главе – добиться такой трактовки понятий, чтобы они не противоречили друг другу, а образовывали четкую терминологическую систему, способствующую правильному пониманию текста.

Система – совокупность элементов, связанных устойчивыми отношениями между собой и образующих внутренне организованное единое целое.⁵ Каждая система обладает своей индивидуальной структурой. Язык также представляет собой единую систему.

Структура – способ взаимодействия элементов системы; строение системы, выступающее как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законы взаимосвязей. Ведущее свойство системы проявляется во всех ее элементах всех уровней. Представленные особенности системы можно наблюдать и в языке. Язык, являясь системой, обладает иерархичной структурой, при этом одной из ведущих функций языка, а, следовательно, каждого его элемента, является коммуникативная.

Мышление – способность индивида отражать состояние среды обитания, происходящие в ней события и ее элементы в виде разного уровня абстракций и оперировать последними в целях успешного взаимодействия с ней.⁶

Частью мышления является язык. Под языком, или «языковым мышлением» И. А. Бодуэн де Куртенэ понимал идеальный объект, знание: «Если язык следует считать особого рода знанием, то он вместе с тем может представляться, с одной стороны, действием, делом, с другой – вещью, предметом внешнего мира».⁷ Из

---

⁵ Розенталь Д. Э. Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. С.254.

⁶ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. / под ред. Ю.Г. Косарева. - М.: Сов. радио, 1978. С. 274.

⁷ Там же. С. 81.

этой позиции следует, что все компоненты, все единицы языковой системы являются «живыми психическими», идеальными, что фонемы (звукопредставления), лексемы, морфемы, «синтаксические формы»⁸ (модели синтаксических конструкций),⁹ графемы представляют собой абстрактные образы, элементы знания. По определению Ф. де Соссюра *язык* – это система дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям, знание, состоящее из приспособленных для коммуникации единиц.¹⁰

Язык – это естественная система, объективно существующая в сознании каждого члена коммуникативной общности, используемая для взаимного обмена информацией между коммуникантами посредством материальных знаков, состоящая из минимальных двусторонних значимых единиц «монем» и из правил их употребления.¹¹ Для лингвистического исследования необходимо разграничивать понятия «язык» и «речь». Первым разделил речевые и языковые единицы Бодуэн де Куртене.¹² Вслед за ним взаимосвязь и взаимодействие этих явлений отметил Ф. де Соссюр: «Язык необходим, чтобы речь была понятна и производила все свое действие, речь, в свою очередь, необходима для того, чтобы установился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку».¹³ *Речь* – это знак или цепочка знаков, которые представляют какую-либо информацию (смысл).¹⁴ В то время как речь стихийна и бесконечна, язык представляет собой

---

⁸ Павлов В.М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 249.

⁹ Следует согласиться со следующим утверждением проф. В.Б. Касевича: «Элементарная синтаксическая конструкция – основная единица синтаксиса. Синтаксическое и, шире, грамматическое «ядро» языка – это система синтаксических конструкций». (Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 98, пункт 2.4.). Это справедливо, если под «конструкцией» понимается идеальная, т.е. состоящая из абстрактных образов модель, идеальная структура, т.е. синтаксическая форма и система таких синтаксических форм, находящихся в индивидуальной языковой системе каждого члена коммуникативной общности. О синтаксической форме см.: Павлов В.М. Вопрос о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 238-260.

¹⁰ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С.15

¹¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. С.218-354.

¹² Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1-2. Москва, 1963. С.72-75.

¹³ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С. 26.

¹⁴ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. С. 51-53.

систему с ограниченным количеством элементов. *Речевая деятельность* – это обмен информацией посредством речевых знаков. Проявлением речевой деятельности является речевой акт.¹⁵

Язык – это сложная знаковая система, элементами которой являются образы языковых знаков. *Знак* – «коммуникативная единица языка в ее реальном речевом функционировании, ее конкретном применении или реализации в речи».¹⁶ *Знак* – это двусторонняя единица, обладающая материальным означающим – экспонентом – и означаемым – денотатом, тем понятием, с которым связан знак.¹⁷ Знак – это воспринимаемое органами чувств и производимое человеком физиологически или физически речевое материальное образование, которое выступает в качестве репрезентанта какой-либо информации.¹⁸ Важно помнить, что связь материального выражения знака с его обозначаемым произвольна. Речевым означающим могут выступать графические образы или фонетические представления.

Знак является речевой реализацией монемы, минимальной двусторонней единицей всех языков. *Монема* – минимальная двусторонняя единица языка, объединяющая два абстрактных образа в составе языка: «значение» - образ какого-либо элемента объективной реальности и «языковой знак» - образ речевого знака. Первый компонент монемы, «значение», является ее означаемым, в то время как «языковой знак» – означающим.¹⁹ В зависимости от значений и функций монемы объединяются в классы. Две разновидности монем – это лексемы и морфемы.

Морфема – разновидность монемы, обладающая служебным значением. Автор работы вслед за В.Г. Гузовым понимает морфему как «минимальную

---

¹⁵ Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. С. 11.

¹⁶ Ахманова А.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. С. 158.

¹⁷ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики/ под ред. Ю.Г. Косарева. М.: Советское радио, 1978. С. 98.

¹⁸ Знак // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 166-167.

¹⁹ Мартине А. Основы общей лингвистики. М., 2004. С. 34-35.

единицу морфологической подсистемы языка, которая является носителем одного из грамматических значений и функционирует как одно из основных средств оперативно-грамматического преобразования слова».²⁰

Лексема – разновидность монемы, обладающая лексическим значением. В речи лексеме соответствует слово.

Значение – это специализированный, социально значимый, узуальный, гомоморфный, абстрактный мыслительный образ какого-либо класса элементов реальности. Значения могут вступать в узуальную или окказиональную ассоциацию с неязыковыми мыслительными единицами, подлежащими передаче в акте коммуникации, т.е. *смыслами*.²¹ Другими словами, значение – это предел сводимости всех смыслов, передаваемых элементом языка в речи. Смысл – абстракция, мыслительная единица, объект, который обслуживается средствами языка в актах коммуникации, но имеет самостоятельное существование и независимые от языка функции.²² В отличие от языкового значения, смысл нестабилен, отличается конкретностью. Смыслы – абстрактные мыслительные единицы вне языка. Одновременно с этим языковые значения стабильны и характеризуются обобщенностью.

Принимая во внимание важную роль значения при типологии монем, ниже автор приводит разновидности языковых значений.

Различаются следующие виды языковых значений:

1. Вещественные;
2. Классифицирующие;
3. Знаменательные;
4. Лексемообразовательные;
5. Служебные;
6. Лексические;

---

²⁰ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. С.21.

²¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. С. 267-290.

²² Там же. С. 273.

7. Служебные грамматические (словоизменительные);

8. Категориальные.

Вещественные (материальные) значения – «обобщенные образы вещей, свойств или отношений, лишенные “частеречных” классифицирующих сем, т.е. не истолковываемые как предмет, признак, обстоятельство, действие».²³

Классифицирующие значения – значения, благодаря которым возможно объединение монем в классы и разряды. К классифицирующим значениям относятся такие значения, как предметность, обстоятельственность, значение конкретного количества, значение процессуальности, значение рода. В некоторых языках (банту, нахско-дагестанские языки) существует значение именного класса. Значения предметности, обстоятельственности, количества и процессуальности можно объединить в подгруппу *частеречных классифицирующих значений*, поскольку лексем объединяются в классы лексем (в традиционной лингвистике – части речи) согласно частеречным значениям.

Знаменательные значения – единство вещественных и частеречных классифицирующих значений.²⁴ Единицы, обладающие знаменательным значением, могут выступать в роли минимальных коммуникативных единиц – *высказываний*.²⁵ Также знаменательные значения именуют самостоятельными.

В то же время существуют служебные, несамостоятельные, значения. *Служебные значения* передают служебную информацию о связях и второстепенных свойствах элементов реальности. Носители служебной информации не могут использоваться в качестве высказываний.

Лексеообразовательные значения – значения, которые при взаимодействии с лексическими значениями изменяют их таким образом, что «они становятся отражениями новых реалий». ²⁶ *Лексические значения* – это знаменательное,

---

²³ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.17.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Там же. С.18.

лексемообразовательное или служебное значение, носителем которого является лексическая единица языка – лексема.²⁷

Служебные грамматические (словоизменятельные) значения представляют собой «такие значения, носителями которых являются средства оперативно-грамматического преобразования слова».²⁸

Категориальные значения – «языковленные абстрактные образы элементов реальной действительности, объединяющие или лексемы в лексико-грамматические классы (“части речи”), или словоизменятельные формы – в “грамматические” категории».²⁹

Как было сказано выше, язык – структурированная система, построенная иерархично. Язык состоит из нескольких уровней, одним из которых является морфологический уровень языка. *Морфология* – «подсистема языка, главное предназначение которой – оперативное преобразование облика лексемы в языке или слова в речи с какой-либо содержательно-коммуникативной или формально-грамматической целью». ³⁰ Преобразование лексемы может производиться с словоизменятельными или лексеμοобразовательными целями. Соответственно, в морфологии выделяется две подсистемы: словоизменение и лексеμοобразование.

Лексеμοобразование – одна из подсистем языка, служащая образованию лексем с новым лексическим значением на основе имеющихся в языке лексических единиц. ³¹ Результатом процесса лексеμοобразования является новая лексема, обозначающая новое явление реальности, не имевшее обозначения ранее.

Словоизменение – одна из подсистем языка, языковой механизм, который путем совмещения лексических и служебных значений оперативно грамматически преобразует лексемы с целью построения словоформ. ³² Словоизменятельные преобразования не приводят к образованию новых лексем, поскольку не создается новой монемы с новым лексическим значением, а лексическое значение

---

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ Там же. С. 19.

³⁰ Там же. С. 39.

³¹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л., 1987. С. 39.

³² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 22.

имеющейся лексемы остается неизменным. В словоизменительном механизме принято выделять две разновидности: формоизменение и формообразование. *Формообразование* – «разновидность словоизменения, целью которой является репрезентация в речи какого-либо категориального значения формы». ³³ *Формоизменение* же направлено на репрезентацию не самого категориального значения, которое передает ту или иную связь между объектами, а одного из предметов, вступающего в эту связь в определенной роли.

Распределение лексем по лексико-грамматическим категориям происходит согласно тем частеречным классифицирующим значениям, которые приобретают лексемы в ходе сложного процесса преобразования мыслительного образа в языковой знак.

Именные части речи – классы лексем, обладающих знаменательными лексическими значениями предмета, признака, обстоятельства или конкретного количества.³⁴

Имя существительное – это разновидность лексем, которые либо означают предметы, либо какое-либо явление, истолковываемое носителем языка как предмет. Обладают значением предметности. Значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия.³⁵

Имя прилагательное – это класс лексем, лексическим значением которых является признак.

Глагол – это класс лексем, обозначающих действие, процесс и все, что воспринимается носителями языка как действие, процесс.

Гипотазирование – это способность человеческого сознания воспринимать посредством языка какое-либо явление объективной реальности и образе одного из

---

³³Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: (На материале староанатолийско-тюркского языка) / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С.26.

³⁴Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С.174.

³⁵Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учебное пособие. 4-е изд. М., 2001. С.87.

частеречных классифицирующих значений (предмета, признака, обстоятельства, действия) и использовать его в качестве самостоятельной семантической языковой единицы, т.е. семантемы (значения).³⁶ Перед возникновением новой лексемы в языке существует несколько этапов. В мышлении индивида возникает некий абстрактный образ предмета/явления действительности, которому придается одно из частеречных классифицирующих значений (предмет, признак, обстоятельство, количество). Этот процесс приобретения значения известен как *первичное гипостазирование*.

Вторичное гипостазирование – это оперативное представление первичного значения, т.е. полученного в результате «первичного» гипостазирования, в образе предмета, признака и т.д. Глагольные формы, представляющие действия в образе предмета (субстантивные формы), признака (адъективные формы), обстоятельства (адвербиальные формы) являются результатом морфологического преобразования – вторичного гипостазирования в сфере глагольного словоизменения.

Деепричастие – это глагольная именная форма, оперативно представляющая действие в образе обстоятельства. Деепричастие представляет собой именное глагольное образование, выражающее обстоятельство действия.³⁷

Категория причастий (адъективных форм глагола) – совокупность именных форм, объединенных общим значением «опризнанного», т.е. представляемого как признак, действия, и имеющих темпоральные семы, соотнесённые с настоящим периодом ориентации; на речевом уровне причастные словоформы – это средства оперативного представления действия, называемого основой глагола, в образе признака.

Имя действия (субстантивная форма глагола) – это разновидность глагольных именных форм, представляющая действие в образе предмета.

Вышеперечисленные формы – деепричастие, причастие, имя действия – являются элементами механизма словоизменения. Глагольные именные формы входят в категорию, функционирующую в рамках словоизменения – категорию

---

³⁶ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.120.

³⁷ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. С.167.

номинализации действия. В данном контексте представляется актуальным вопрос о том, что мы понимаем под категорией. Автор работы считает, что грамматическая категория – замкнутая система грамматических значений. Замкнутость категории обусловлена тем, что в одной словоформе невозможно сочетание двух показателей одной категории. Грамматические значения внутри категории противопоставлены друг другу и являются взаимоисключающими. Например, в русском языке невозможно образовать такую словоформу, которая бы одновременно служила формой множественного и единственного числа. Таким образом, *категория* – это структурная единица морфологической подсистемы языка; совокупность форм, объединяемых или одним общим, или разными однородными, родственными грамматическими значениями. Тюркские языки опровергают сформировавшееся на материале флективных языков положение о том, что категорию образуют как минимум две противопоставленных формы. Категория может быть представлена одной формой с автономной семантикой.³⁸

---

³⁸ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С.40.

Глава 2. Причастие

С позиции традиционной лингвистики причастия – это глагольные формы, сочетающие признаки глагола и прилагательного. В словаре О.С.Ахмановой мы находим следующее определение: «Причастие – это именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно прилагательным и обозначающая действие, приписываемое предмету или лицу как признак, проявляющийся во времени». ³⁹ Данный подход опирается на внешние морфологические признаки причастий и применим только к языкам с развитой морфологией. Во многих работах причастия называют «отглагольными прилагательными». Подобное определение подразумевает их словообразовательную природу, что в свою очередь также не совсем корректно. Говоря о функциональной природе причастных форм, мы указываем на их адъективный характер. Одновременно с этим причастные формы сохраняют в себе признаки глагольности, но не теряют семантику действия. Причастия оперативно представляют действие в образе признака, а, следовательно, в результате образования причастной формы не возникает нового семантического образа, т.е. уже имеющийся семантический образ приобретает новую реализацию. Категория причастий является частью глагольного словоизменительного аппарата, представляя собой глагольные адъективные формы.

Отсутствие придаточных предложений считается одной из типологических черт агглютинативных языков. ⁴⁰ В данном контексте причастные обороты выполняют функцию определительных придаточных предложений индоевропейских языков. Целью данной главы является выявление отличительных особенностей причастий агглютинативных языков. Также одним из вопросов,

---

³⁹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 76.

⁴⁰ Гузев, В.Г., Бурыкин, А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков//Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Том III, часть 1. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 109-118.

поставленных в данной главе, является вопрос критериев, по которым мы объединяем адъективные глагольные формы в категорию причастий.

Согласно словарю лингвистических терминов О.С.Ахмановой, термин причастие (*participle*) восходит к латинскому *participial*, используемому для обозначения неличных форм глагола, обладающих признаками прилагательного и глагола. Подобно глаголу, причастие обозначает действие, имеет категории времени, вида, залога, сохраняет глагольное управление. Подобно прилагательному, оно изменяется по родам, числам и падежам и обозначает признак действия.⁴¹ Так, индоевропейское причастие – прямой потомок латинского *participial*. Говоря о причастии агглютинативных языков, к которым неприменимы грамматические категории рода, числа, и в которых прилагательные не имеют склонения по падежам, мы должны выявить более универсальные критерии объединения форм в категорию причастий. Причастие – это глагольная именная форма, служащая для оперативного представления действия как признака. Причастие – один из инструментов словоизменительной категории номинализации действия.⁴²

В большинстве агглютинативных языков наблюдается четкая временная дифференциация среди причастных форм. Обратимся к материалу уральских языков: в них сохраняется временная дифференциация причастий: действие, свершившееся, и действие, еще происходящее. При этом морфологические показатели причастия прошедшего времени и причастия настоящего времени не омонимичны, т.е. временная соотнесенность действия заложена именно в причастной форме, а не основе, от которой она образуется. Например, в финском языке:

---

⁴¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С.76.

⁴² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.153.

maratonia juok-seva urheilija

марафон бежать-РТСР спортсмен

‘спортсмен, бегущий марафон’.⁴³

maratonia juos-sut urheilija

марафон бежать-РТСР спортсмен

‘спортсмен, бежавший марафон’.⁴⁴

Разделение причастий на причастия прошедшего и настоящего времени сохраняется и в таких уральских языках, как лапландском, мордовском и хантыйском. В своем историческом развитии уральские языки стремились устранить временную недифференциацию в категории причастий, однако некоторые языки сохранили архаичную систему, характеризующуюся отсутствием временной дифференциации (марийский язык, камасинский язык). В тюркском языке – тофаларском – также выделяется три причастных формы, соответствующие трем временным планам: причастие прошедшего (-ган), настоящего (-ы) и будущего времени (-ар).⁴⁵

Противопоставление причастий по временным планам наблюдается и в современном грузинском языке, который обладает тремя причастиями: настоящего времени, прошедшего и будущего времени ⁴⁶, а также в корейском языке, в котором функционирует 4 причастия: причастие настоящего времени -нын, причастие прошедшего времени -ын, причастие прошедшего времени -тон и причастие

---

⁴³ Шершнева Е.В. Грамматика финского языка в таблицах и схемах. – СПб.: Виктория плюс, 2016. С. 111.

⁴⁴ Там же. С. 112.

⁴⁵ Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. С.144.

⁴⁶ Руденко Б.Т. Грамматика грузинского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С.215.

будущего времени -ль.⁴⁷ Стоит отметить, что причастие прошедшего времени -тон обладает семантикой воспоминания о действии, совершившемся в прошлом, может выражать неуверенность говорящего в факте свершения действия:

ёги ит-тон чхэг-ыль ну-га каджё каннаё?

здесь лежать-PTCP книга-ACC кто-NOM брать-PST

‘Кто взял книгу, которая здесь лежала? ’.⁴⁸

Несмотря на заключенное в нем значение прошедшего времени, причастие с показателем -тон может образовываться и от основы прошедшего времени. В таком случае происходит указание на то, что действие, выраженное причастием, предшествовало основному действию.

Наряду с этим в турецком языке фактор соотнесенности причастия с временным планом не является определяющим при классификации причастных форм. Категория причастий турецкого языка представлена тремя формами: причастием с показателем -(у)an, причастием -miş и причастием -(a)r / -maz. Причастие -(у)an обладает темпоральным значением небудущего времени (либо прошедшего, либо настоящего). Форма -miş представляет в образе признака результат действия, называемого основой глагола, а не само действие.⁴⁹ Форма -miş, как и все причастия турецкого языка, обладает агентивным значением, и считать ее причастием прошедшего времени пассива по аналогии с финским причастием было бы неправильно. Более того, скорее всего, не совсем корректно и говорить о том, что форма -miş «выражает прошедшее время».⁵⁰ Безусловно, действие, называемое основой глагола, завершилось в прошлый период ориентации, однако целью высказывания становится указание на результат этого

⁴⁷ Мазур Ю.Н. Грамматический очерк корейского языка // Мазур Ю. Н., Моздыков В. Н., Усатов Д. М. Корейско-русский словарь. – М.: Живой Язык, 2002. С.533.

⁴⁸ Мазур Ю.Н. Корейский язык. Изд-во восточной литературы. М., 1960. С.70.

⁴⁹ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.160.

⁵⁰ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С.472.

действия, наблюдаемый говорящим в момент речи. С точки зрения автора работы, причастие *-miş* образуется от глаголов, в семантике которых заложена способность действия приводить к результату, изменению состояния объекта действия. Например:

boyan-mış duvar

красить-РТСР стена

‘покрашенная стена’.

kuru-miş çiçek

сохнуть-РТСР цветок

‘засохший цветок’.

kırış-miş elbise

мяться-РТСР одежда

‘помятая одежда’.

В том случае, если от тех же глагольных основ мы образуем причастную форму *-(y)an* (*boyanan, kuruyan, kırışan*), возникает большая вероятность неверной интерпретации ситуации (окрашиваемая стена, сохнувший цветок, мнущаяся одежда). Вероятно, в случае с описанными выше глаголами причастие *-miş* и причастие *-(y)an* вступают в отношения дополнительной дистрибуции. В то же время невозможно образование причастия *-miş* от ряда глаголов (*gelmek, gitmek, uçmak*).

В некоторых работах отмечается, что причастие *-miş* представляет в виде признака действие, которое было совершено в прошлом агенсом, отличным от субъекта действия, таким образом, являясь пассивным причастием прошедшего

времени.⁵¹ Тем не менее, пассивность причастия *-miş* довольно спорна, поскольку часто встречается образование форм *-miş* от одновалентных глаголов:

[SA D: 23]

Susa-mış hayvan-lar su-yu gör-ünce

испытывать жажду-PTCP животное-PL вода-ACC видеть-CNV

koşma-ya başla-dı-lar.

бежать-DAT начинать-PST-PL

‘Животные, измученные жаждой, завидев воду, побежали’.

Третье причастие турецкого языка – форма с показателем *-ar/-maz* – указывает на регулярно совершающееся действие, которое благодаря своей регулярности стало неотъемлемым свойством определяемого причастием предмета:

çalar saat – (букв. «звонящие часы» будильник); *yanar dağ* – (букв. «горящая гора» вулкан); *yazar kasa* – (букв. «пишущая касса» кассовый аппарат); *çıkamaz sokak* – (букв. «улица, которая не выходит» тупик).

Таким образом, в турецком языке дифференциация причастий происходит не по темпоральной характеристике действия, представляемого в образе признака, а по силе образности действия. Так, наиболее отдаленным от глагольного значения является причастие *-ar/-maz*, о чем может свидетельствовать и его редкое употребление вне устойчивых словосочетаний и его низкая продуктивность, за ним следует причастие *-miş*, представляющее действие в образе состояния, результата. Наиболее близким к изначальной семантике глагольности остается причастие *-(y)an*, образуемое от всех глаголов и передающее два временных плана. Вышеперечисленные формы принято объединять в категорию причастий,

---

⁵¹ Гениш Э. Глагольные формы в турецком языке: причастия, деепричастия, отглагольные имена, инфинитивы, составные глаголы, "нереальные" наклонения глаголов, союзы, послелоги, частицы. – М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. С.119.

отличительной характеристикой которой в турецком языке является агентивное значение.

Агентивное значение указывает на то, что производителем действия, представляемого причастием в виде признака, является предмет/лицо, носитель этого признака.⁵² Доказательством наличия агентивного значения у адъективной глагольной формы может послужить ее функционирование в форме страдательного залога. Обратимся к материалу турецкого языка. В том случае, когда предмет или лицо, определяемый причастной формой, является объектом действия, обозначаемого причастием, причастие образуется уже от формы страдательного залога:

[SA KY: 120]

İhtiyar kadın sıcak-tan kavr-ul-muş ve

пожилая женщина жара-ABL сушить-PASS-PTCP и

büz-ül-müş üzüml-e benzi-yordu.

стягивать-PASS-PTCP виноград-DAT походить-IPFV

‘Пожилая женщина походила на виноград, ссохшийся и стянутый от жары’.

Одновременно с этим в японском языке функционируют адъективные глагольные формы, которые в некоторых ситуациях могут иметь агентивное значение (1,3), а в некоторых нет (2):

1) [MX: 71]

ути-ни ику митидзюн-о киита

дом-DAT идти-PRS маршрут-ACC слушать-PST

‘Она выслушала, как пройти до дома (букв. маршрут, ведущий к дому)’.

---

⁵² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 159.

2) [ХМ СМ: 43]

рю:закусэй-га каимоно-о суру дзикан-га аримасита

студенты по обмену-NOM покупки-ACC делать-PRS время-NOM быть-PST

‘У студентов по обмену было время для совершения покупок’.

3) [МХ: 128]

сэифуку-о кита онна-но хито-но токоро-ни тоссин сита

униформа-ACC носить-PST женщина-GEN место-DAT кинуться-PST

‘Он бросился туда, где сидела женщина, одетая в униформу

(букв. надевшая униформу) ’

Формы японского языка могут употребляться в роли финитной формы изъявительного наклонения, что заставляет исследователей воспринимать их как «глагольные определения»⁵³:

[ХМ ДД : 41]

канодзё:-ва итибан нинки-га ару сэтто-о тю:мон сита

она-ТОР самый популярный набор-ACC заказ делать-PST

‘Она заказала самый популярный набор’.

На основе японского материала можно предположить, что не все глагольные адъективные формы обладают агентивным значением, а значит, оно не является типологической характеристикой причастий. Было бы неоправданно предполагать наличие в японском языке двух омонимичных адъективных форм, из которых одна обладает агентивным значением и представляет собой причастие, а другая – не обладает агентивным значением и, следовательно, называться причастием не может. Можно предположить, что агентивное значение может встречаться у японских причастий, но не является их постоянным свойством.

Возвращаясь к вопросу омонимии причастных форм и форм изъявительного наклонения, мы можем отметить историческую связь адъективных форм глагола и изъявительного наклонения, прослеживаемую на материале большинства языков

---

⁵³ Нечаева Л. Т. Японский язык для начинающих. Часть 2. М.: Московский Лицей, 2002. С.46.

мира. Глагольные временные формы зачастую восходят к глагольным именным формам, подтверждение чему можно обнаружить во многих языках. Так, итальянская форма *-ando*, больше известная как герундий, при совместном употреблении с глаголом-связкой стала выражать настоящее длительное время: *Io sto mangiando*. (букв. я есть едящий) 'Я ем'. Прошедшее время образуется с помощью адъективной формы прошедшего времени: *Io sono uscita*. (букв. я есть ушедшая) 'Я ушла'.⁵⁴ Стоит отметить, что в некоторых южнославянских языках до сих пор встречается форма прошедшего времени «я есть пришедший», например, в болгарском языке:

тя е дошла отляво

она COP приходить-PTCP-PST слева

'Она пришла слева'.⁵⁵

Обратившись к материалу турецкого языка, мы увидим, что причастия *-ag* и *-miş* по своей внешней форме не отличаются от временных форм настоящего времени и прошедшего субъективного времени соответственно. На это языковое явление указывает и Б. А. Серебренников.⁵⁶ Так, прошедшее время в персидском языке представляет собой причастие прошедшего времени и форму вспомогательного глагола со значением «быть». Примечательно, что в древнеперсидском языке причастие прошедшего времени нередко самостоятельно употреблялось в значении перфекта. В монгольском языке в основе форм изъявительного наклонения лежат причастные формы. Принимая во внимание эти факты, мы можем предположить, что и японские «глагольные определения» являются такими же причастиями, по мере исторического развития языка перешедшими в категорию времени. Стоит отметить, что случаи выполнения указанными формами определительных функций наблюдаются и на материале древнеяпонского языка. Так, Н. А. Сыромятников отмечает, что формы

⁵⁴ Добровольская Ю.А. Практический курс итальянского языка. – М.:Цитадель, 2001. С.118.

⁵⁵ Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка: Для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. С. 254.

⁵⁶ См. : Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компрагистике. М.: Наука, 1974. – 352 с.

изъявительного наклонения могут выступать как определение: «определятельная форма глагола применялась не только в атрибутивной, но и в заключительной позиции при наличии в предложении восклицательной или вопросительной частицы». ⁵⁷ Таким образом, определятельная форма глагола первична по отношению к временной форме. Следовательно, наше предположение о происхождении временных форм глагола японского языка от причастий находит историческое подтверждение.

Выйдя за рамки диахронического анализа конкретного языка, мы можем обнаружить, что данное явление как в тюркских языках, так и в японском языке связано с особенностью агглютинативного строя этих языков. Дело в том, что на синтаксическом уровне детерминантой агглютинативных языков можно назвать атрибутивный характер высказывания.⁵⁸ Стремление агглютинативных языков к атрибуции означает, что в этих языках на первый план выходили атрибутивные отношения и, соответственно, наиболее развиты те средства языка, которые служат для их передачи. Принимая во внимание свойственный агглютинативным языкам порядок компонентов «уточнение перед уточняемым», мы можем предположить, что изначально глагол выступал в атрибутивной позиции перед уточняемым, действие определяло предмет, являлось его свойством, а уже затем выделилась временная форма, которая заняла конечную позицию в предложении, выступив в роли уточняемого для всех членов предложения.

Свойство причастий наблюдаемых агглютинативных языков – связь причастий и форм изъявительного наклонения – можно проследить и на материале других языков. Также и в уральских языках перфект образуется с помощью причастия прошедшего времени (лапландский, финский языки). Так, в финском языке перфект образуется с помощью презенса вспомогательного глагола *olla*, изменяемого по лицам, и причастия прошедшего времени:

---

⁵⁷ Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. Изд.3-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. С.112.

⁵⁸ Гузев, В.Г., Бурыкин, А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков//Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Том III, часть 1. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 109-118.

Olen antanut

BE давать-PTCP-PST

‘я дал (букв. «я есть давший»)’.⁵⁹

Olet antanut – ‘ты дал’

On antanut – ‘он дал’ и т.д.

В некоторых уральских языках отмечается образование перфекта от причастия без глагола-связки «быть», причем форма самостоятельно спрягается по лицам по образцу спряжения глагола. Такая ситуация наблюдается в бурятском языке, где причастия могут выступать в предикативной функции как со связками, так и без них, по причине чего их отличие от изъявительных форм глагола стирается. Например, в бурятском языке формы, называемые причастиями, могут выступать в роли сказуемого, сближаясь с изъявительным наклонением (1,2,3), но и одновременно могут выступать присубстантивным определением (4):

1)

харуул-шаднай хаартал-дажа һүү-гаа

караульный-POSS-1PL карты-LOC играть-PTCP

‘Наши караульные играли в карты’.⁶⁰

2)

ии һүргуули-һаа гаргагд-аа-и

2 школа-AVL исключать-PTCP-POSS-2

⁵⁹ Шершнева Е.В. Грамматика финского языка в таблицах и схемах. С. 111.

⁶⁰ Бураев И.Д., Орловская М.Н., Дарбеева А.А. Грамматика бурятского языка : Фонетика и морфология. Изд-во вост. лит. М., 1962. С.268.

'Ты исключен из школы'.⁶¹

3)

Моридоо Табхаев Шэтэ оруул-ха-нь гээжэ Нима

конь-POSS табхаев чита отправить-PTCP-POSS-3SG CONJ Нима

дуул-аа хэн

слышать-PTCP- PST

'Нима слышал, что Табхаев собирается отправить лошадей в Читу'.⁶²

4)

хүра-хан далай, хүра-гуй балай

учиться-PTCP море учиться-NEG-PTCP тьма

'Учившийся – море, неучившийся – тьма'.⁶³

В мансийском языке причастие -т образует прошедшее субъективное время:

Minatit – 'говорят, мол, что я ходил'

Minatiw – 'говорят, мол, что мы ходили'

---

⁶¹ Там же. С. 268.

⁶² Там же. С. 269.

⁶³ Там же. С. 267.

В финском языке причастия настоящего и прошедшего времени делятся на две подгруппы: причастия активного действия и пассивного действия, которые могут образовываться от форм страдательного залога. При необходимости указания производителя действия причастия в финском языке употребляется особое средство – причастие агента. Если производителем действия является 1 или 2 лицо, производитель действия может быть выражен путем присоединения аффикса принадлежности к причастной форме. Причастие агента образуется только от переходных глаголов.

teke-mä-ni

työ

выполнять-PTCP-1SG-POSS   работа

‘мною сделанная работа’. ⁶⁴

aidin ompele-ma   paita

мама шить-PTCP   рубашка

‘сшитая матерью рубашка’. ⁶⁵

В марийском также выделяются активные и пассивные причастия, однако без временной дифференциации: *lut* – основа глагола «читать», *lutšo*- читающий, *ludmo*- читаемый, прочитанный. При внимательном рассмотрении мы увидим, что именуемые пассивными причастиями формы не первичны, а образуются от пассивных основ глагола. Следовательно, ошибочно классифицировать эти глагольные формы как отдельный вид причастия, поскольку страдательный залог входит в категорию залога, отдельную словоизменительную категорию, и совмещение значений двух разных грамматических категорий в одной словоформе не позволяет делать вывод о возникновении специализированной формы. Тем не менее, представленные выше примеры иллюстрируют агентивное значение

⁶⁴ Черемисина М. И., Тазранова А. Р. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2006. С. 166.

⁶⁵ Там же. С. 166.

причастий этих языков. Эту точку зрения подтверждает причастие агента финского языка.

Исходя из приведенных выше примеров материала различных агглютинативных языков, мы можем прийти к выводу о том, что агентивное значение не является неотъемлемым признаком причастия. Соответственно, адъективную глагольную форму, не обладающую агентивным значением, также можно считать причастием.

Примечательно, что в некоторых языках наблюдаются причастия, совмещающие адъективные функции и модальные значения в одной форме. Так, в удмуртском языке есть причастие -но, которое выражает действие, которое для говорящего представляется желаемым, необходимым к совершению: *kižono kidys* ‘семена, предназначенные для посева’.⁶⁶ В ненецком языке – причастие -да: *хаманда* ‘тот, кто должен знать’.⁶⁷ В бурятском языке функционирует причастие -маар с модальным значением возможности:

газаань   *мори уя-маар*   *гадаһан*

вне дома-POSS-3SG   лошадь привязывать-PTCP   колышек

бай-ба-гуй

находиться-NEG-PRS

‘Во дворе его не было колышка, чтобы привязать коня’.⁶⁸

В результате анализа причастий рассмотренных выше языков мы можем прийти к следующим выводам относительно функционирования категории причастий в агглютинативных языках. Во-первых, нельзя отрицать историческую связь причастий и форм изъявительного наклонения глагола. Вероятно,

⁶⁶ Черемисина М. И., Тазранова А. Р. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2006. С.167.

⁶⁷ Там же. С. 170.

⁶⁸ Бураев И.Д., Орловская М.Н., Дарбеева А.А. Грамматика бурятского языка : Фонетика и морфология. Изд-во вост. лит. М., 1962. С.270.

информация о субъекте высказывания изначально выражалась атрибутивно, а глагольная форма выступала в функции определения, характеристики субъекта. Со временем для атрибутивной роли сформировалась отдельная форма, в то время как функцию финитной формы стала выполнять та же форма с присоединением связок «быть»/ «иметь», а в некоторых языках без них. В ряде языков отсутствуют внешние морфологические отличия между адъективными глагольными формами и формами изъявительного наклонения, ввиду чего современная лингвистика зачастую отказывается интерпретировать первые как причастия. Тем не менее, по мнению автора работы, определяющим свойством причастий всех языков является их способность представлять действие в виде признака.

Необходимо также отметить, что в процессе оперативного «окачества»⁶⁹ действия возникновение специализированных показателей не обязательно, поскольку это представление происходит в речи, а не в языке и в результате этого процесса не образуется новая лексема. В связи с этим глагольные адъективные формы таких языков, как, например, японский можно считать причастиями. Также в результате представленного анализа причастных форм мы установили, что наличие агентивного значения не является классифицирующим свойством причастий, выделяющим эту категорию среди других.

Одновременно с этим наблюдается функционирование пограничной глагольной именной формы, совмещающей субстантивные и субстантивные функции. Субстантивно-адъективные формы в зависимости от ситуации употребления могут представлять действие в образе предмета или признака. Отличительной особенностью субстантивно-адъективных форм (САФов) является отсутствие агентивного значения. Так, в турецком языке параллельно функционируют две формы: субстантивно-адъективная и причастие, дистрибутивным признаком которых является наличие/отсутствие агентивного значения. В свою очередь, САФ в турецком языке может выражать весь спектр значений. Например, определяемое может выступать по отношению к

---

⁶⁹ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С.221.

определению, САФу, прямым или косвенным объектом действия (2), местом (1), временем (2), обстоятельством действия, выраженного основой субстантивно-адъективной формы, а также выражать изъяснительные отношения (3).⁷⁰

1) [SA SK: 70]

yine işsiz dolaş-tığ-ım gün-ler-de-ydi

снова без работы бродить-SAF-1SG день-PL-LOC-PST

‘Это были дни, когда я снова бродил без работы’.

2) [SA KY: 86]

dünya-nın en büyük fenalığ-ı yap-acağ-ı insan-la

мир-GEN самый большой зло-3SG POSS делать-SAF-3SG POSS человек с

beraber otur-duğ-u gün-leri-n-i hatırla-dı

вместе сидеть-SAF-3SG POSS день-3SG POSS-DISTR-ACC вспоминать-3 SG PST

‘Он вспомнил дни, когда сидел вместе с человеком, которому он сделает самое большое зло в мире’.

3) [AT H: 94]

Fatih, Allah aşkına sus-tur o-n-u, diye

фатих ради Бога молчать-CAUS- 2SG IMP он-DISTR-ACC CONJ

fısılda-dığ-ı-n-ı duy-du

шептать-SAF-3SG POSS-DISTR-ACC слышать-3 SG PST

‘Я услышал, как она шепчет: «Фатих, ради Бога, заставь его замолчать»’.

Субстантивное употребление формы:

---

⁷⁰ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Л., 1997. С.37.

[SA SK: 100]

gör-dük-ler-im ve duy-duk-lar-im-in tesir-i-yle

видеть-SAF-PL-1SG и слушать-SAF-PL-1SG-GEN влияние-3SG-INS

Çirkince'-yi bulmayacağımdan korktum.

чиркиндже- ACC находить-NEG-SAF-1SG-ABL пугаться-PST-1SG

‘Под влиянием того, что я видел и слышал, я испугался, что не найду

Чиркиндже’.

В лингвистических исследованиях зачастую не происходит дифференциации причастий и САФов, как, например, мы наблюдаем в грамматиках монгольского языка. Так, форму -сан традиционно причисляют к причастиям:

[МЯ: 23]

бай-сан газ-раа ир-жээ

быть-PRS место-DAT идти-PST

‘Пошел на место пребывания’

[МЯ: 57]

хур-ээд ир-сэн заг мод-оор орон сууц барь-сан

доходить-CNV идти-PRS саксаул дерево-INS жилище строить-PST

‘Построила жилище из саксаула, до которого он дошел’.

При этом отмечается тот факт, что причастные формы монгольского языка утратили агентивное значение и могут употребляться в роли подлежащего:⁷¹

[МЯ: 116]

хааяа сэвэлзүүр салхи үлээ-х намрын шинж билээ

иногда свежий ветерок дуть-PTCP-PST осень знак-PST COP

⁷¹ Касьяненко З.К. Монгольский язык : Учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Муравей: Вост. Лит., 2002. С.116.

‘То, что иногда дул свежий ветер, было признаком осени’.

Взаимоотношения субстантивно-адъективных форм и причастий более детально рассматриваются в соответствующей главе.

Глава 3. Деепричастие

Деепричастие – это глагольная форма, окказионально представляющая действие в виде разного рода обстоятельств. Деепричастные формы в агглютинативных языках не обладают агентивным значением, а, следовательно, могут становиться центром абсолютных деепричастных оборотов.⁷² Например, деепричастие японского языка «может употребляться как разносубъектно, так и односубъектно, то есть они могут иметь собственное подлежащее или их подразумеваемое подлежащее может совпадать с подлежащим следующей финитной предикации»:⁷³

[MX: 45]

хару-га китэ, юки-га токэта

весна-NOM приходить-CNV снег-NOM таять- PST

‘Пришла весна и снег растаял.’

Изначально термин «деепричастие» возник на материале индоевропейских языков, в которых категория деепричастий или не представлена, или развита очень слабо. Глагольные образования, которые истолковываются как деепричастия, иногда оказываются причастиями в обстоятельственной функции.⁷⁴ Например, английская глагольная форма *-ing*, традиционно именуемая герундием, способна одновременно выполнять и субстантивную, и адъективную, и адverbиальную функции. Возникает вопрос, стоит ли считать эти формы омонимичными формами причастия, имени действия и деепричастия или же рассматривать как одну

⁷² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол : на материале староанатолийско-тюркского языка. Л. Изд-во Ленинградского университета. 1990. С. 126.

⁷³ Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн.2] / В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская ; Российский гос. Гуманитар. Ун-т, Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наталис, 2008. С. 219.

⁷⁴ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.169.

многофункциональную форму. В.В. Виноградов определяет деепричастия в русском языке как «гибридную наречно-глагольную категорию», тяготеющую к наречиям.⁷⁵ Автор работы следует за функциональным подходом и в качестве главного свойства деепричастия понимает способность формы представлять действие в виде обстоятельства.

§1. Классификация деепричастий по обстоятельственным значениям

Категория деепричастий агглютинативных языков очень развита, поскольку деепричастные формы передают весь спектр обстоятельственных значений, выражаемые в индоевропейских языках придаточными предложениями с обстоятельственным значением.

Передачу обстоятельственных значений с помощью глагольных именных форм можно назвать типологической особенностью агглютинативных языков. Внутри категории деепричастий агглютинативного языка наблюдается разнообразие обстоятельственных значений, каждому из которых соответствует специальная деепричастная форма.

Среди таких обстоятельственных значений мы можем назвать время, цель, причину, условие, образ действия и т.д. Например, в корейском языке различаются деепричастные формы со значениями образа действия, цели, намерения, результата, нарастания (по мере совершения действия деепричастия усиливается основное действие), условное, уступительно-противительное деепричастие, деепричастие причины.⁷⁶ Любопытно значение бурятского деепричастия образа действия - мгашаа, выражающего образ действия, воспринимаемый носителем языка, как несвойственный ситуации:

---

⁷⁵ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С.308.

⁷⁶ Мазур Ю.Н. Корейский язык. Изд-во восточной литературы. М., 1960. С. 75.

бай-мгашаа эдеэлхээ ханаа?

стоять-CNV есть хотеть-PRS

‘Ты хочешь есть стоя?’.⁷⁷

Стоит обратить особое внимание на группу условных деепричастий. В то время как в грамматиках одних языков (Ю.Н. Мазур, В.Г. Гузев) глагольные адвербиальные формы, выражающие условие, причисляются к деепричастным формам, другие исследователи объединяют эти формы с категорией условного наклонения.

Таким же образом и в традиции изучения грамматики японского языка, принято относить формы, выражающие отношения условия (формы -рэба, -тара), к категории условной модальности. При таком подходе не учитывается способность таких форм выражать и временные отношения. Близость понятий «условие» и «обстоятельство» отмечает В.Г. Гузев: «...если какое-либо действие воспринимается как условие другого действия, то речь идет об отношении элементов объективной реальности, а само условие представляет собой разновидность *обстоятельств*».⁷⁸ «Формы глагола», о которых ведут речь многие японисты, в действительности представляют собой деепричастия, или, собственно, адвербиальные глагольные формы. Н.А. Сыромятников также отмечает выполнение функции передачи условия в японском языке деепричастиями.⁷⁹ Японское деепричастие -тара интересно тем, что может выражать два вида отношений: условные и временные. Л.Т. Нечаева также отмечает способность формы -тара передавать временное значение «когда»:

[ХМ ДД: 156]

---

⁷⁷ Бураев И.Д., Орловская М.Н., Дарбеева А.А. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М., 1962. С.290.

⁷⁸ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.179.

⁷⁹ Сыромятников Н.А. Развитие новояпонского языка. С.245.

Ямамото-сан-га ки-тара мисэ-э икимасу.

ямамото-сан-NOM приходит-CNВ магазин-DAT идти-PRS

‘Я пойду в магазин, когда придет Ямамото-сан’.⁸⁰

[Обучающий корпус японского языка]

ути-э каэт-тара, тэ:буру-но уэ-ни пан-га аримасита

дом-DAT возвращаться-CNВ на столе хлеб-NOM быть-PST

‘Когда я вернулась домой, на столе был хлеб’.

Если согласиться с тем утверждением, что формы -тара и -(p)эба являются формами условной модальности, то факт возможности выражения с их помощью временных отношений вступает в противоречие с самим понятием условной модальности: «Модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого». ⁸¹ Говоря о таком свойстве модальности, как ее ориентированности на субъект (его желания, действия, состояние), мы можем признать, что модальность бывает исключительно субъективной. В связи с этим существование «объективной модальности» представляется спорным. Таким образом, едва ли оправданно говорить об «условной модальности», выражающей отношения условия, т.е. отношения элементов объективной реальности.⁸² Ввиду того, что условие представляет собой разновидность обстоятельства, автор соглашается с точкой зрения, утверждающей о невозможности выделения категории «условной модальности». Здесь стоит отметить смежность понятий «следствие во времени» и «причинное следствие» (не путать с логическим), подтверждением которого и является форма -тара. Подобное явление можно проследить и в русском языке: в предложении «Когда мы построим дом, будем жить счастливо» говорящий, очевидно, считает завершение

⁸⁰ Нечаева Л.Т. Учебник японского языка для продолжающих. Ч.2. М., 2011. С.253.

⁸¹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 303-304.

⁸² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.179.

строительства дома стимулом, неким условием для начала счастливой жизни, а не временным отрезком, с которого ведется ее отсчет. Приведенное объяснение становится нагляднее на примере перефразированного высказывания: «Когда мы построим дом, вот тогда заживем!». Аналогично в итальянском языке союз «когда» ‘quando’ может выражать отношения условия в ситуациях, которые рассматриваются говорящим как закон:

quando piove molto ci avvengano il alluvione

‘Когда идет много дождей, происходят наводнения’.

Вероятно, ввиду возможности наблюдать аналогичное явление во многих неродственных языках мира, смежность реалий «условие» и «обстоятельство» может быть объяснено законами человеческого мышления.

В бурятском языке условное деепричастие -бал в случае, если производитель действия деепричастия не совпадает с производителем основного действия, может выступать в формах принадлежности:

мини ерэ-бэл-ни

ии яба-хаи

1SG приходить-CNV-POSS.1SG

2SG идти-PRS.2SG

‘Если я приду, ты пойдешь’.⁸³

ошо-бал-най

отправляться-CNV-POSS.2PL

‘Если вы отправитесь’.⁸⁴

Если производитель деепричастия и основного действия совпадает, показатель принадлежности при условном деепричастии не употребляется:

яба-бал яба

ошо-бол

ошо

⁸³ Бураев И.Д., Орловская М.Н., Дарбеева А.А. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. Изд-во вост. лит. М., 1962. С.286.

⁸⁴ Там же. С. 286.

идти-CNV идти-CAUS.2SG отправляться-CNV отправляться- CAUS.2SG

‘Если идешь – иди, если отправляешься – отправляйся’.⁸⁵

Обратившись к вневременной форме «условного наклонения» турецкого языка,⁸⁶ мы можем отметить аналогичное образование формы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в языках агглютинативного строя условные формы глагола следует считать деепричастиями, поскольку они представляют действие в образе условия, а условие – разновидность обстоятельства.

§2. Классификация деепричастий по временным семам

В значениях большинства деепричастий заключены временные семы, соотносящие действие деепричастия с тем временным планом, в котором оно происходит. Так, в большинстве языков мира деепричастия обладают относительным временем, а не абсолютным. Представляется возможным применить временную классификацию деепричастий, выделив три основные группы. Таксис, или относительное время, – термин, предложенный Р.О. Якобсоном как греческий аналог термина «порядок» (order), введенного американским лингвистом Л. Блумфилдом.⁸⁷ Это категория, которая выражает одновременность, предшествование или следование не по отношению к моменту речи, а к ситуации, заданной контекстом, именуемой Хансом Райхенбахом точкой отсчета.⁸⁸ Таким образом, действие соотносится с одним из временных планов (будущего, прошедшего или настоящего) вне зависимости от реальной ситуации.

---

⁸⁵ Там же. С.287.

⁸⁶ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.221.

⁸⁷ См.: Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.

⁸⁸ Цит. по: Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М. С.271.

Следовательно, можно говорить о функционировании деепричастий одновременного, предшествующего и последующего действия.

1. Деепричастие одновременного действия

Деепричастие одновременного действия представляет в виде обстоятельства действие, происходящее параллельно с основным действием. Как было сказано выше, деепричастные формы обладают временными семами. Тем не менее, можно полагать, что время протекания действия, представленного глагольной основой деепричастия, совпадает с периодом ориентации и, как следствие, временной план, в котором оно протекает, изменяется в зависимости от контекста. В связи с этим мы говорим о глагольном аспекте – категории, представляющей действие не с точки зрения определенной точки отсчета, а характеризующей его внутренние особенности «динамики самой ситуации». ⁸⁹ В случае с деепричастием одновременности следует обратить внимание на линейные (первичные) аспектуальные значения. При рассмотрении ситуации можно выделить несколько стадий: 1) начало; 2) финал; 3) середина; 4) подготовительная стадия; 5) результирующая стадия.⁹⁰ Соответственно этим стадиям тюрколог Ларс Юхансон предложил термины «интратерминальность» (середина), «посттерминальность» (результирующая стадия), «адтерминальность» (финальная стадия). Так, характеризующей особенностью деепричастия одновременного действия является наличие видовой семы интратерминальности.

Так, в бурятском языке значение одновременности объединяет два деепричастия: формы с показателями -жа и -н: ⁹¹

хаанахи жэмэс гэгэ-жэ

эгэшэ-нь

һонирхо-н

⁸⁹ Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – С.280.

⁹⁰ Там же. С. 286.

⁹¹ Санджеев Г.Д. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Изд-во восточной литературы. М., 1962. С. 280.

откуда ягоды говорить-CNV ст.сестра-POSS.1SG интересоваться-CNV

huřana

спрашивать-PST

‘Откуда эти ягоды? – спросила, интересуясь, сестра’.⁹²

Такисные отношения, в которые вступает деепричастие одновременного действия можно проследить на материале турецкого языка. Так, действие турецкого деепричастия одновременного действия -(y)arak может соотноситься с планом прошлого времени, если уточняет прошедшее действие:

[SA KY: 147]

Tekrar baba-sı-nın el-i-n-i öp-erek

снова отец-POSS.3SG-GEN рука-POSS.3SG-DISRT-ACC целовать-CNV

dışarı çık-tı

наружу выходить-PST

‘Снова поцеловав руку отца, вышел на улицу’.

При этом нетрудно заметить, что соотнесенность действия деепричастия с временным планом основного действия не вызывает сему продолжительности действия, в связи с чем было бы некорректно именовать эту группу деепричастий параллельными деепричастиями.

[1] [RNG Ç: 263]

Eliyle burnumu, dudaklarımı kurcala-yarak:

дотрагиваться-CNV

- *Nafile abacığım, sana benzemiyorum ki, dedi.*

‘Дотрагиваясь до моего носа и губ, она проговорила: «Зря все это, я ж не

---

⁹² Там же. С.281.

похожа на тебя» ’

[2] [SA KY: 77]

Ali, gene kıpkırmızı ol-arak ban-a bak-tı.

Али снова красный становится-CNV я-DAT смотреть-PST

‘Али, вновь покраснев, посмотрел на меня’.

[3] [SA KY: 144]

Aşağı atla-yarak kapı-yı yumrukla-dı.

вниз прыгать-CNV дверь-ACC ударять-PST

‘Спрыгнув вниз, ударил по двери’.

[4] [ÖS: 114]

Baş-ı-n-ı eğ-erek kapı-dan çık-tı.

голова-POSS.3SG-DISTR-ACC наклонять-CNV дверь-ABL выходить-PST

‘Вышел, склоняя голову’.

[5] [SA KMM: 85]

Kapının üzerinde duran anahtarı çevir-erek içeri girdi.

поворачивать-CNV

‘Повернув ключ, находившийся в замке двери, он вошел внутрь’.

Приведенные выше примеры иллюстрируют способность деепричастия -(y)arak обозначать как действие, протекающее параллельно уточняемому действию, обладающее равной ему временной протяженностью (см. примеры 1,4), так и предшествующее ему действие (см. примеры 2,3,5). С целью избежать возможной двойственности перевода автор работы приводит те примеры, в которых завершенность действия, выраженного глагольной основой деепричастия, находится вне контекста и исходит из законов объективной реальности. Так, действия «спрыгнуть», «покраснеть» – моментальные действия, не способные протекать на протяжении длительного промежутка времени, по причине чего и деепричастия -(y)arak, образованные от «моментальных» глаголов, в данной речевой ситуации передают действие, завершенное к моменту начала уточняемого.

Деепричастие одновременного действия оперативно представляет в виде обстоятельства действие, которое соотносится с тем же временным планом, в котором происходит уточняемое действие, при этом совпадение протяженности во времени действия деепричастия с уточняемым действием не обязательно. Трактовка данного деепричастия как «одновременного» или «параллельного» не должна приводить к заблуждению о протекании действия деепричастия на протяжении основного действия.

2. Деепричастие предшествующего действия

Деепричастие предшествующего действия представляет в виде обстоятельства действие, которое завершилось к началу уточняемого действия.

Функционирующее в турецком языке деепричастие -(i)r представляет в образе обстоятельства действие, предшествующее уточняемому. Деепричастие -(i)r обладает наиболее общим обстоятельственным значением и может представлять такие разновидности обстоятельств, как причину, время, условие.

[SA KMM: 105]

Maria Puder ile buluş-up beraber gez-me-ye başla-dık

Мария Пудер с встречаться-CNV вместе гулять-SF-DAT начинать-PST 2 PL

‘Мы начали встречаться и гулять вместе с Марией Пудер’.

В монгольском языке можно выделить три деепричастия, которые обозначают предшествующее основному действию, однако эти три глагольные формы отличаются по временной дистанции между действием деепричастия и основным действием. Временная дистанция – грамматическая категория, призванная выражать степень отдаленности действия от момента речи.⁹³ Так,

---

⁹³ Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М. С.270.

разделительное деепричастие -аад выражает действие, которое несколько отдалено на временном отрезке по отношению к основному действию:

ном ав-аад гэрт-ээ хари-в

книга покупать-CNV дом-DAT возвращаться-PST

‘Купив книгу вернулся домой’.⁹⁴

миний ах хэвт-ээд унши-в

мой брат ложиться-CNV читать-PST

‘Мой брат читал лежа (лег и читал)’.⁹⁵

Немного ближе по времени совершения к основному действию действие соединительного деепричастия -ж/ч:

гэрт-ээс гар-ч их сургууль-д очи-в

дом-ABL выходить-CNV университет-DAT идти-PST

‘Выйдя из дома, поехал в университет’.⁹⁶

Наименее отдалено от уточняемого действия действие слитного деепричастия -н:

би сонин унши-н суу-ж бай-на

1SG газета читать-CNV сидеть-CNV быть-PRS

‘Я сижу, читая газету’.

би гэрт-ээ хари-н сонин унш-лаа

---

⁹⁴ Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. М. 2002. С. 57.

⁹⁵ Там же. С.60.

⁹⁶ Там же. С.57.

1SG дом-DAT возвращаться-CNV газета читать-PST

‘Я, вернувшись домой, прочитал газету’.⁹⁷

При необходимости перечисления действий, расположенных линейно друг за другом, употребляется три вида деепричастий соответственно:

гэр-ийн эзэн хари-аад дахаа талай-ж суу-лаа

юрта-DAT хозяин возвращаться-CNV шуба снимать-CNV садиться- PST

‘Хозяин юрты вернулся, снял свою шубу и сел’.⁹⁸

Все три деепричастных формы способны образовывать абсолютные деепричастные обороты:

[1]

ногоо ург-аад зун боло-в

трава расти-CNV лето становиться-PST

‘Выросла трава, наступило лето’.⁹⁹

[2]

ах гэрт-ээ харь-ж, эгч номын сан-д очи-в

ст.брат дом-DAT возвращаться-CNV ст.сестра библиотека-DAT идти-PST

‘Старший брат вернулся домой, старшая сестра пошла в библиотеку.’

[3]

тэнгэр дуугара-н бороо оро-в

---

⁹⁷ Там же. С.60.

⁹⁸ Там же. С.59.

⁹⁹ Там же. С.59.

небеса греметь-CNV дождь идти-PST

‘Загремел гром, пошел дождь’.¹⁰⁰

При рассмотрении деепричастий предшествующего действия турецкого языка с позиции категории временной дистанции становится более прозрачной семантика деепричастия *-(y)ınca*: действие, за которым в неразрывной хронологической последовательности следует следующее действие; настолько неразрывной, что первое действие может приобретать семантику причины, условия:

[ÖS: 166]

Plan-ı-n-ı

zihn-i-n-de

tamamla-yınca

план-POSS.3 SG-DISTR-ACC ум-POSS.3 SG-DISTR-LOC дополнять-CNV

kasab-a

girdi

мясная_лавка-DAT входить-PST

‘Завершив в голове свой план, он вошел в мясную лавку’.

3. Деепричастие последующего действия

По аналогии с рассмотренными выше формами было бы логично предположить функционирование такого деепричастия, которое бы представляло в виде обстоятельства действие, которое произойдет после уточняемого действия. Однако на материале агглютинативных языков подобных форм исследователем обнаружено не было. Исключение составляет форма деепричастия будущего времени, функционирующая в корейском языке – форма *-ке*, или деепричастие последования.¹⁰¹ Деепричастие *-ке* представляет в виде обстоятельства действие, которое последует за уточняемым действием. Очевидно, деепричастие приобретает семантику цели:

¹⁰⁰ Там же. С.58.

¹⁰¹ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. С. 123.

парам-и о-гэ мун-ыл йөрөттә

ветер-NOM идти-CNV дверь-ACC открывать-PST

‘Я открыл дверь, чтобы шел ветер’.¹⁰²

нэ-га наб-ыл мөк-ке исо

я-ТОР каша-ACC есть-CNV здесь

‘Я здесь, чтобы есть кашу’.¹⁰³

В связи со способностью деепричастия представлять действие в виде обстоятельства отмечается неустойчивость деепричастных форм и их тенденция к лексикализации. Вероятно, для дифференциации наречий и деепричастий возможно определение деепричастия как глагольной формы, еще сохраняющей значение действия, «глагольности».

Например, большая доля наречий образа действия японского языка произошли от деепричастия -тэ:

аруитэ (от гл. аруку – ходить пешком) *пешком*

хаситтэ (от гл. хаширу – бегать) *бегом*

даматтэ (от гл. дамару – молчать) *молча*

Лексикализация деепричастия -тэ привела к образованию и других групп наречий: хадзимэтэ (от гл. хадзимэру – начинать) *впервые*, оттэ (от гл. оу – следовать за чем-то) *впоследствии*, итаттэ (от гл. итару – достигать чего-то) *в крайней степени* и т.д.

---

¹⁰² Там же. С. 124.

¹⁰³ Там же. С. 124.

При анализе деепричастий вызывают интерес глагольные формы, которые оперативно представляют действие в образе обстоятельства, а значит, соответствуют главному критерию выделения деепричастных форм – функциональному – однако, не признаются исследователями. Примером таких форм может послужить глагольная форма турецкого языка *-miş*, представляемая в тюркском языкознании как причастие. В то же время встречаются ситуации употребления формы, где она выступает в качестве обстоятельства:

[информант]

Çift-ler sarıl-mış dolaş-ıyorlardı

пара-PL обниматься-PTCP гулять-IPFV.3PL

‘Пары прогуливались, обнявшись’.

[турецкая песня]

Toplan-mış gel-iyorlar gül-e oyna-ya

собираться-PTCP приходить-PRS смеяться-CNV танцевать-CNV

önü-m-e

передняя_часть-POSS. 1 SG-DAT

‘Собравшись, приходят ко мне, смеясь и пританцовывая’.

Мы можем предположить, что форма *-miş* представляет собой адъективно-адвербиальную форму глагола, представляющую действие, предшествующее основному, в виде признака или обстоятельства. В этом отношении форма *-miş* приближается к английскому герундию, совмещающему в одном глагольном образовании субстантивную, адъективную и адвербиальную функции. Вероятно, и форма *-miş*, которая на ранних стадиях развития языка обладала субстантивной функцией, является своего рода многофункциональной формой, выражающей

состояние, наступившее в результате прошлого действия и наблюдаемое в настоящем, в образе признака или обстоятельства. Возможно, на современном этапе развития языка адвербиальное употребление формы -mıŝ погранично и встречается больше в устной речи, чем в литературном языке.

Глава 4. Имя действия

Имя действия (*nomen actionis*) – субстантивная форма глагола, служащая для выражения «опредмеченного» действия,¹⁰⁴ т.е. действия, которое при наличии коммуникативной потребности представляется как предмет. Благодаря способности оперативно придавать действию субстантивные значения имя действия склонно к субстантивации и переходу в класс существительных. Несмотря на то, что имя действия обладает предметным значением, оно все же сохраняет глагольные свойства. Известно, что под глагольными свойствами, говоря о глагольных именах, мы подразумеваем следующее: 1) сохраняется значение глагольности; 2) сохраняется глагольное управление; 3) наличие темпоральных сем; 4) способность выступать в продуктивных залоговых формах; 5) способность образовывать аналитические конструкции. Значение имени действия точно передают слова Г. Рамстедта: «Идея глагола выражена в форме существительного; иными словами, таким путем выражается действие как таковое, “в себе”».¹⁰⁵

В научном дискурсе распространена интерпретация описываемых субстантивных форм глагола как инфинитива. Действительно, в турецком языке имя действия -так одновременно выступает словарной формой, что, вероятно, и приводит исследователей к соответствующим выводам. Тем не менее, не стоит забывать об условности словарной формы глагола. В разных языках форма, служащая словарной, выбирается произвольно: в арабском это форма прошедшего времени 3-его лица единственного числа, в японском языке – форма настоящего-будущего времени, в болгарском – форма настоящего времени 1-го лица единственного числа.¹⁰⁶ По определению О.С.Ахмановой, инфинитив – «именная форма глагола, представляющая данное действие (состояние, процесс) в наиболее отвлеченном виде, т. е. безотносительно к категориям лица, времени, числа и

¹⁰⁴ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / Вступ. ст. проф. С.И. Бернштейна. Изд. 6-е. М., 1938. С.142.

¹⁰⁵ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. / Перевод Холодовича А. А., под ред. проф. Пашкова Б. К. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1951. С.137.

¹⁰⁶ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С.154.

наклонения; форма, обозначающая действие (состояние, процесс) само по себе, вне связи с его субъектом». ¹⁰⁷ Термин «инфинитив» восходит к латинскому *infinitus*— «неопределенный». Инфинитив русского языка исторически восходит к форме изолированного падежа существительных женского рода на -ть и -чь, которые в застывшей форме сохранились и в современном языке: знать, стать, сыть, мочь. ¹⁰⁸ С течением времени эти существительные утратили другие формы падежей. Раньше форма представляла действие в образе предмета, аналогично с современными отглагольными существительными на -ние (чтение, выравнивание, сопоставление и т.д.). В результате исторического развития формы -ть и -чь утратили предметное значение и представляют действие в его первичном значении, однако в состоянии оторванности от производителя и временного плана. Инфинитив русского языка не способен выражать информацию о субъекте действия: хочу петь, он хочет петь, мы хотим петь.

Возвращаясь к субстантивным формам турецкого языка, мы можем сказать, что форма -так в турецком языке не может считаться инфинитивом. В отличие от русского инфинитива форма способна выступать в падежных формах, а на более ранних этапах развития языка была способна присоединять и аффиксы принадлежности:

gändü gändü-ŋ-i   *hiç*   *aŋmag-uŋ*   *jok*

сам   сам-2 SG POSS-ACC   PART.INTN   понимать-2 SG POSS   PRED

‘Ты сам себя не понимаешь’. ¹⁰⁹

[SA D : 126]

Şirket   *de,*   *galiba*   *ileri*   *gitmek-ten kork-uyordu*

компания   тоже наверное вперед идти-ABL   бояться-3 SG IPFV

¹⁰⁷ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. С.75.

¹⁰⁸ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 128.

¹⁰⁹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словообразования: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). С.119.

‘Наверное, и фирма боялась продвигаться вперед’.

В узбекском языке функционирует две формы имен действия:

o`qish-ni ista-yman

учиться-ACC хотеть-1 SG PRS

‘Я хочу учиться’.¹¹⁰

biz o`qimoq-qa kel-dik

мы учиться-DAT приходить-1 PL PST

‘Мы пришли учиться’.¹¹¹

Некорректность применения индоевропейского термина «инфинитив» к материалу восточных языков отмечает еще Б.Т. Руденко в «Грамматике грузинского языка» 1940 г.: «Грузинский глагол не имеет формы, известной в языках индоевропейской системы под названием инфинитива (так наз. Неопределенного наклонения); в этом отношении он сходен с языками семитическими, так как ему свойственна та же форма имени действия, которая по терминологии арабских грамматиков именуется масдар (مصدر)». ¹¹² Как и в турецком языке, грузинские имена действия склоняются по падежам.

Функционирование специализированной субстантивной формы глагола наблюдается не во всех тюркских языках, в большинстве тюркских языков субстантивные формы совмещают в себе субстантивные и адъективные свойства.

В турецком языке функционирует три формы имени действия: -mak, -ma, -(y)ıŝ. Все три формы представляют действие в образе предмета, однако между ними существуют определенные смысловые различия. Например, форма -(y)ıŝ представляет действие наиболее «опредмеченно», по этой причине масдар -(y)ıŝ

---

¹¹⁰ Азизов А.А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология. Изд-во «Укитувчи», Ташкент-1983. С.55.

¹¹¹ Там же. С.49.

¹¹² Руденко Б.Т. Грамматика грузинского языка. С.112.

склонен к лексикализации: *giriş* – вход, *dönüş* – возвращение, *görüŝ* – взгляд и т.д. Также форма *-(y)iŝ* склонна представлять действие в предметном образе без соотнесения его с определенным производителем, приобретая семантику манеры, образа свершения действия:

[информант]

Kız-ım-ın kitap oku-ma-sı ben-i mutlu ediyor.

дочь-POSS.1SG-GEN книга читать-SF-POSS.3SG я-ACC радовать-PRS

‘Меня радует, что моя дочь читает книги (чтение книг моей дочерью) ’.

Dost-um-un kitap oku-yuŝ-u tuhaf: son sayfa-ya

друг-POSS.1SG-GEN книга читать-SF-POSS.3SG странно последняя страница-DAT

bak-madan oku-maz.

смотреть-CNV читать-PRS-NEG

‘То, как читает книги мой друг, странно: не читает, не посмотрев на последнюю страницу’.

Таким образом, в первом примере *масдар -та* выражает действие как процесс, происходящий в реальности, в то время как во втором примере говорящий не подразумевает само совершение действия чтения, а акцентирует внимание на отличительном образе действия, манере, свойственной конкретному лицу.

Субстантивная глагольная форма есть и в другом агглютинативном языке – японском. Имена действия японского языка – это формы, объединенные значением опредмеченного действия и оформленные морфемами- субстантиваторами (*-НО*, *-КОТО*, *-МОНО*, *-ТОКОРО* и т.д.).¹¹³ Субстантиваторы в японском языке представляют собой местоименные существительные, обладающие отвлеченным значением, реализуемым в контексте.

¹¹³ Хронопуло Л.Ю. Глагольное словоизменение. Японский глагол // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол / под ред. В.Г. Гузева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 392.

Имена действия в японском языке лишены темпоральных и агентивных значений. Можно предположить, что отсутствие у имен действия агентивного значения связано с отсутствием аффиксов принадлежности, позволяющих выразить производителя действия, представленного формой глагольного имени, как это происходит в тюркских языках, т.е. японский язык не обладает способностью морфологического выражения производителя действия в глагольной форме. Тем не менее, в японском языке при возникновении коммуникативной потребности в указании производителя действия имени действия говорящий в равной степени реализует эту потребность в речи. В таком случае производитель действия субстантивированного глагола выражается словом в падеже, оформляющем рему высказывания.¹¹⁴ В тех ситуациях употребления глагольного имени, когда информация о производителе действия не представляется важной, или при отсутствии соотнесенности действия с определенным деятелем, т.е. при безличном употреблении, производитель действия лексически не выражается.

[MX: 45]

Сэнсэй-ва, карэ-га сиппай сита кото-о сё:мэй-сита
 учитель-ТОР он-NOM ошибка делать-PST-NML-ACC подтвердить-PST
 ‘Учитель подтвердил, что он ошибся’.

В близком по строю японскому языку, корейском языке функционирует имя действия -ки, обладающее именной парадигмой склонения:

ха-ги-га свипсо
 работать-CNV-NOM легко
 ‘Работать легко’.¹¹⁵

Одновременно с этим в корейском языке существует имя действия -м, представляющее в образе предмета либо действие, либо его результат. В современном языке имя действия -м выступает в конечной позиции в функции

¹¹⁴ Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М., 2009. С.27. – Подробнее о рематическом падеже.

¹¹⁵ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1951. С. 158.

сказуемого, из чего развилось настоящее время на -му и -ме.¹¹⁶ Этот факт еще раз подтверждает первичность глагольных именных форм по отношению к временным.

Тем не менее, в большинстве агглютинативных языков наблюдается функционирование не субстантивных форм, а субстантивно-адъективных форм. Анализу субстантивно-адъективных форм (далее – САФ) посвящена следующая глава.

Распространенность САФов в агглютинативных языках можно объяснить тем, что САФы в агглютинативных языках берут на себя роль придаточных предложений индоевропейских языков. Важной задачей исследователя является корректная дифференциация САФов от причастий и имен действия.

---

¹¹⁶ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1951. С.140.

Глава 5. Субстантивно-адъективные формы

Субстантивно-адъективные формы – это особые глагольно-именные формы тюркских языков, способные представлять действие глагольной основы как в виде признака, так и в виде предмета. Соответственно, субстантивно-адъективные формы (далее САФы) обладают двумя функциями: адъективной и субстантивной.

САФы в субстантивном употреблении близки к именам действия, которые также представляют действие, называемое глагольной основой, в виде предмета. Главным отличием имен действия и САФов в субстантивном употреблении является наличие у последних временных сем. В адъективном употреблении субстантивно-адъективная форма схожа с причастием, однако САФ не обладает агентивным значением. Также субстантивно-адъективные формы не обладают «залоговыми» значениями, из чего следует, что отношения между предметом и действием не получают выражения. Этим порождается многообразие возможных вариантов ситуаций отношений действия и предмета, передаваемых одной и той же формой: *konuştuguğumuz adam* – «человек, с которым мы говорили», «человек, о котором мы говорили», «человек, для которого (за которого) мы с кем-то говорили». Таким образом, при адъективном использовании САФа предмет по отношению к действию, выраженному глагольной основой, может являться производителем, объектом, местом, причиной, целью, временем совершения действия.

В турецком языке можно выделить три субстантивно-адъективных формы: -dik, -(y)acak, называющие небудущее и будущее действия соответственно, а также форму -(y)ası.

Форма в адъективном употреблении:

[RNG Ç: 122]

Benim daha bir iki aydan önce anlamaya başladığım şeyleri o, çoktan öğrenmiş.

‘Те вещи, которые я начала понимать несколько месяцев назад, она познала уже давно’.

[AT H : 87]

*Ama gülüşün o kadar güzel ki **kızacağım** yerde hoşlanıyorum*

‘Но твоя улыбка такая прекрасная, что я радуюсь в тех ситуациях, когда бы я разозлился’.

Форма в субстантивном употреблении:

[AT H: 178]

*Bir kadına dayandığı zaman **yaşadığını** duymaya başlamıştı.*

‘Он начал чувствовать, что живет, когда стал опираться на женщину’.

[AT H : 88]

*Kendi içinde bu gülüşün ağaç gibi çiçek **açtığını** duyuyordu.*

‘Он чувствовал, как, словно цветы, расцветала эта улыбка внутри него’.

[EŞ A: 12]

*Ama köpeğin bir gün **öleceğini** düşünmeye Ella'nın yüreği el vermiyordu.*

‘Но сердце Эллы не могло думать о том, что собака умрет’.

Форма -(y)ası:

[газета Sabah; www.sabah.com.tr/yasam/2016/03/07/eli-opulesi-kadin,
04.04.2018.]

*Antalya'da, kollarına kızgın yağ döktüğü yaşama dört elle sarılarak kendi hikayesini yazdığı Zeliha Acar adında kadına el **öpülesi** kadın diyebiliriz.*

‘Мы можем назвать женщиной достойной уважения (букв. той, которой целуют руки) Зелиху Аджар из Анталии , которая пролила себе на руки раскаленное масло и ,цепляясь за жизнь всеми руками, написала свой рассказ’.

В турецком языкознании также долгое время господствовала позиция, утверждающая причастную природу форм -dık и -(y)acak.¹¹⁷

---

¹¹⁷ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1977. С.44.

САФы есть и в монгольском языке, однако в современном языкознании именуются причастиями. Формы, традиционно именуемые причастиями, способны выступать в роли дополнения и подлежащего – синтаксических ролей субстантива. Так, в монгольском языке имеются «причастия» настоящего-будущего времени, прошедшего времени законченного и незаконченного вида, многократное причастие, причастие возможности, страдательное причастие.¹¹⁸ Форма настоящего-будущего времени в монгольском языке представляет в виде признака или предмета действие будущего времени. Форма будущего времени образуется с помощью показателя -х. Форма -х способна выступать в роли сказуемого предложения, выступая в функции формы будущего времени изъявительного наклонения. В случае, если форма будущего времени выступает в роли сказуемого, наблюдается употребление связки «болно», отрицательной связки «-гуй» или «байна»:

бид өнөөдөр ява-х болно

мы сегодня идти-SAF COP

‘Мы поедем сегодня’.¹¹⁹

тэд өнөөдөр ява-х-гүй

они сегодня идти-SAF-COP.NEG

‘Они сегодня не поедут’.¹²⁰

Также форма -х способна представлять действие в абстрактной форме, по своему значению приближаясь к инфинитиву: бичих «писать», суух «сидеть», хийх «делать».

Форма прошедшего времени -сан представляет в виде предмета или признака действие, которое свершилось к периоду ориентации. В отличие от формы настоящего-будущего времени, форма прошедшего времени может употребляться и без дополнительной связки в роли сказуемого:

¹¹⁸ Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. С.149.

¹¹⁹ Ульзетуева З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2010. С.89.

¹²⁰ Там же. С.90.

чоно хэлэ-в: «Шангуул Мангуул хоёр-ыг би ид-сэн
 волк сказать-PST шангуул мангуул двое-ACC я есть-PST
 ‘Волк сказал: «Шангуула и Мангуула я съел» ’.¹²¹

Форма -сан в адъективной функции:

ингээд яв-ж байтал чоно-той таар-сан хөтөл
 так идти-CNV когда волк-COM встречаться-SAF перевал
 нь таар-чээ
 TOP встречаться-PST
 ‘Когда так шли, попался перевал, где встречался с волком’.¹²²

Форма настоящего времени незаконченного вида образуется с помощью показателя -аа (-оо, -ээ, -өө).¹²³

Чиний үүрч яв-аа юмыг үзье
 ‘Посмотрим, что ты несешь на спине» (букв. вещь (нечто) несомую на спине) ’.¹²⁴

Эта форма может употребляться в атрибутивной и предикативной функции, например: Хүү, хайчиж яв-аа бэ? «Куда направляешься, мальчик?» (букв. отправляясь, идущий).¹²⁵

Форма, традиционно именуемая однократным причастием, форма -гч выражает действие, совершение которого представляется свойством предмета, в связи с чем активно участвует в лексемообразовании: эвдэх «нарушать» – эвдэгч «нарушитель, унших «читать» – уншигч «читатель», сурах «учиться» – сурагч «учащийся», нэхэх «ткать» – нэхэгч «ткач, ткущий».¹²⁶ Форма -гч продуктивна и образует имена существительные со значением деятеля от всех

¹²¹ Там же. С.90.

¹²² Франк И.М. Монгольские народные сказки. Монгол Ардын үлгэр. – М., Изд-во ВКН. 2017. С.11.

¹²³ Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. С.149.

¹²⁴ Ульзетуева З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие. – Чита: ЧитГУ, 2010. С. 180.

¹²⁵ Там же. С. 181.

¹²⁶ Ульзетуева З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2010. С.93.

глаголов. В то же время в функции определения форма встречается реже. Вероятно, агентивное значение, которым обладает форма и склонность к лексикализации могут указывать на ее причастную природу.

Множественное причастие настоящего времени -даг по семантике близко к однократному причастию, поскольку представляет в виде признака или предмета действие, которое обычно, как правило, осуществляется уточняемым предметом. Перевод формы на русский язык возможен только лексически, путем добавления слов «по обыкновению», «обычно».¹²⁷ Например: өгөх «дать» – өгдөг «обычно дающий, имеющий обыкновение давать», цоких «быть» – цохидог «обычно бьющий», орох «входить» – ордог «обычно входящий» и т.д.

цас хавар хапл-даг

снег весна таять-SAF

‘Снег тает весной’.¹²⁸

Причастие возможности с аффиксом -маар выражает действие с модальным оттенком желательности:

– в роли сказуемого

та нарын л яриа-г сонс-моор байна

вы ваш PART разговор-АСС слушать-РТСР СОР

‘Я послушаю, что вы можете рассказать’.¹²⁹

би та-наас юм асуу-маар байна

я вы-ABL вещь спрашивать-РТСР есть

‘У меня к вам вопрос’.¹³⁰

би юм уу-маар байна

я вещь пить-РТСР есть

¹²⁷ Ринчинэ А.Р. Учебник монгольского языка. Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. С. 68.

¹²⁸ Там же. С.69.

¹²⁹ Ульзетуева З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2010. С.94.

¹³⁰ Там же. С.94.

‘Я хочу пить’.¹³¹

– в роли определения:

ич-мээр хэрэг

стыдиться-РТСР дело

‘постыдный поступок’.¹³²

уяр-маар дуун

умиляться-РТСР песня

‘трогательная песня’.¹³³

Как мы видим из приведенных выше примеров, рассмотренные формы монгольского языка способны выступать как в атрибутивной, так и субстантивной функциях. При субстантивном употреблении формы могут присоединять показатели падежей:

– винительный падеж:

багшийн маргааш тосгон-д ява-х-ыг чи мэдэ-в уу?

учитель завтра деревня-LOC знать-РТСР-ACC ты знать-PST PART

‘Узнал ли ты о завтрашнем отъезде учителя в деревню?’.¹³⁴

– дательный падеж: (будущее причастие в форме дательного падежа выступает в роли обстоятельства времени)

энд хурал бол-ж бай-х-ад та юу хий-ж бай-в?

здесь встреча находится-CNВ быть-РТСР-DAT вы что делать-CNВ быть-PST

‘Что вы делали, когда здесь происходило собрание?’.¹³⁵

Формы могут выступать и в сочетаниях с послелогами:

---

¹³¹ Там же. С.94.

¹³² Большой академический русско-монгольский словарь = Орос-монгол дэлгэрэнгүй их толь : в 4 т. / [О. Адьяа, .И. А. Грунтов и др.; редкол.: Б. Тумуртоого, В. А.Виноградов и др.]; АН Монголии, Ин-т языка и литературы, Рос. АН, Ин-т языкознания. М.: Восточная литература РАН, 2011. С.286.

¹³³ Ульзетуева З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2010. С.100.

¹³⁴ Там же.С.109.

¹³⁵ Там же. С.103.

арван настай   жаал   бай-х-аас-аа   аваад мал туу-жээ
десять в_возрасте ребенок становится-SAF-ABL от   скот пасти-PST
'С тех пор как стал десятилетним малышом, перегонял скот'.¹³⁶

В ситуациях, когда адъективная форма является подлежащим сложного предложения, она может сопровождаться частицей -нь, маркирующей топик высказывания.

ир-сэн   нь   сайн
приходить-PTCP TOP хорошо
'Хорошо [то], что пришел'.

тоглож   байгаа нь   харагда-на
играть-CNV что   TOP виднеться-PRS
'Видно, что [как] играют'.

Таким образом, рассматриваемые формы монгольского языка выступают в двух функциях: атрибутивной и субстантивной. В атрибутивном употреблении формы могут не иметь агентивного значения. По итогам анализа особенностей форм, мы можем сделать вывод о том, что именуемые причастиями формы следует относить к субстантивно-адъективным формам ввиду их двойственной природы.

Обращаясь к материалу японского языка, мы можем отметить, что одна из двух японских глагольных именных форм — имя действия — по своим функциональным особенностям приближается к турецкой субстантивно-адъективной форме. Как уже было сказано выше, имена действия японского языка — это формы, образованные морфемами- субстантиваторами (-НО.-КОТО,-МОНО,-ТОКОРО и т.д.). Соответствие японских имен действия с турецкими субстантивно-адъективными формами в их субстантивном употреблении проявляется при передаче изъяснительных отношений:

---

¹³⁶ Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. М., 2002. С.109.

[информант]

Mariya-ga kuma koto-o mimasita.

Mariya'nın geldiğini gördüm.

‘Я видел, что Мария пришла’.

В то же время в аналогичной ситуации употребления японского имени действия для передачи объекта чувственного восприятия невозможен перевод предложения на турецкий язык с помощью турецкого имени действия:

[ХМ С: 94]

карэ-га хон-о ёмикондэ иру кото-о вакатта

он-NOM книга-ACC просматривать-NML-ACC понимать-PST

‘Я понял, что книгу он просто просматривает глазами’

В данной ситуации невозможно употребление имен действия турецкого языка по причине необходимости передачи временного плана действия. Таким образом, мы можем говорить о промежуточном положении субстантивных глагольных форм японского языка между именами действия и субстантивно-адъективными формами турецкого языка. В определенных ситуациях употребления при субстантивации глагол японского языка не теряет способности выражения временного смысла. Таким образом, в японском языке нет такой глагольной именной формы, которая бы сочетала в себе функции субстантивной и адъективной.

В корейском языке мы наблюдаем аналогичные формы, в традиционных грамматиках представляемые как сочетания причастий и существительных с общим значением (вещь, факт, момент, слово и т.д.).¹³⁷ Например, существительное «тэ» - место, «тыл» - случай, событие, «ттэ» - время и т.д. Как и в японском языке, существительные перешли в класс служебных морфем-субстантиваторов, частично утратив свое лексическое значение.

---

¹³⁷ Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1951. С.144.

Заключение

В представленной работе был произведен анализ глагольных именных форм агглютинативных языков. Глагольные имена – субстантивные, адъективные, адвербиальные и субстантивно-адъективные формы – рассматривались с точки зрения функционально-семантического подхода.

В начале работы перед автором стояли следующие задачи:

1. Подготовка теоретической базы, необходимой для всестороннего изучения обозначенной выше темы;
2. Анализ глагольных имен в агглютинативных языках;
3. Исследование достижений лингвистики языков агглютинативного строя и применение их принципов к другим языкам для общелингвистического анализа;
4. Выявление соответствий между функционированием и значением глагольных имен каждой категории.

Задачи и цель исследования – анализ глагольных имен агглютинативных языков, а также выявление и сопоставление структур глагольно-именных категорий, сравнение их функционирования, значений и синтаксических функций – выполнены. В результате сравнительного анализа глагольных имен автор выявил общие особенности функционирования категории номинализации действия в агглютинативных языках, что позволило прийти к соответствующим выводам, а именно:

1. Глагольные именные формы первичны по отношению к временным формам глагола, исторически временные формы восходят к глагольным именам;
2. При определении формы как глагольной именной следует придерживаться функционально-семантического принципа, учитывая функции и семы, которыми форма обладает. Ориентация на

морфологические внешние признаки формы может привести к заблуждениям, как, например, недифференциация САФов и причастий исследователями, непризнание глагольной формы японского языка причастием;

3. Агентивное значение, вероятно, не является типологическим свойством причастия, а второстепенным. Адъективные глагольные формы объединяются в категорию причастий благодаря способности представлять действие в образе признака;
4. Деепричастие следует понимать как глагольную форму, означающую действие, воспринимаемое как обстоятельство. Одним из видов обстоятельств можно считать условие, что ставит под вопрос существование категории условной модальности;
5. Ввиду аспектуальных сем глагольных именных форм их образование ограничивается субъективной способностью действия быть представленным в виде результата, состояния и т.д. По этой причине турецкое причастие *-miş* может быть образовано только от глагольных основ, обозначающих действие, способное перейти в состояние.

Список цитируемой литературы

1. Азизов А.А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология. Ташкент: Изд-во «Укитувчи», 1983. – 238 с.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн.2] / В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская ; Российский гос. Гуманитар. Ун-т, Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наталис, 2008. – 448 с.
3. Аристотель. Категории / Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск.: Лит., 1998. – 1391 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 571 с.
5. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1-2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
7. Большой академический русско-монгольский словарь = Орос-монгол дэлгэрэнгуй их толь : в 4 т. / [О. Адъяа, ...И. А. Грунтов и др.; редкол.: Б. Тумуртоого, В. А.Виноградов и др.]; АН Монголии, Ин-т языка и литературы, Рос. АН, Ин-т языкознания. М.: Восточная литература РАН, 2011.
8. Бураев И.Д., Орловская М.Н., Дарбеева А.А. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 340 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Учебное пособие. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
10. Гениш Э. Глагольные формы в турецком языке: причастия, деепричастия, отглагольные имена, инфинитивы, составные глаголы, "нереальные" наклонения глаголов, союзы, послелого, частицы / Э. Гениш; пер. с турец. Е.Ю. Калининой [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. – 500 с.

11. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: на материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 164 с.
12. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л., 1987. – 144 с.
13. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А.С.Аврутиной, Н.Н.Телицина. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. – 320 с.
14. Гузев, В.Г., Бурыкин, А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков//Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том III, часть 1. – СПб.: Нестор-история, 2007. – С. 109-118.
15. Добровольская Ю.А. Практический курс итальянского языка. – М.: Цитадель, 2001. – 496 с.
16. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Учебное пособие – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 85 с.
17. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.
18. Касьяненко З.К. Монгольский язык: Учебное пособие / З.К.Касьяненко. – 2-е изд. – М.: Муравей : Вост.лит., 2002. – 159 с.
19. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М. -Л.: Издательство АН СССР, 1956. – 570 с.
20. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. – М.: Изд-во Живой язык, 2009. – 351 с.
21. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
22. Мазур Ю.Н. Корейский язык. М.: Изд-во восточной литературы. 1960. – 118 с.
23. Мартин А. Основы общей лингвистики. Перевод с французского. Серия "Лингвистическое наследие XX века". Изд.2. – М., 2004. – 224 с.

24. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш.шк., 1987. – 272 с.
25. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. Для филол. фак. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1981. – 407 с.
26. Мазур Ю.Н. Грамматический очерк корейского языка // Мазур Ю. Н., Моздыков В. Н., Усатов Д. М. Корейско-русский словарь. – М.: Живой Язык, 2002. – С.531-570.
27. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. / под ред. Ю.Г. Косарева. - М.: Сов. радио, 1978. – 368 с.
28. Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих. Часть 2. – М.: Московский лицей, 2002. – 98 с.
29. Павлов В.М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – С.238 -260.
30. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. – СПб, 1850. – 356 с.
31. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / Вступ. ст. проф. С.И. Бернштейна. Изд. 6-е. – М., 1938. – 443 с.
32. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 627 с.
33. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М., 2003. – 384 с.
34. Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. / Перевод Холодовича А. А., под ред. проф. Пашкова Б. К. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1951. – 230 с.

- 35.Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 218 с.
- 36.Ринчинэ А.Р. Учебник монгольского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. – 320 с.
- 37.Розенталь Д. Э. Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985.
- 38.Руденко Б.Т. Грамматика грузинского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 276 с.
- 39.Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка / Проф. Г. Д. Санжеев; Акад. наук СССР. Ин-т языка и письменности народов СССР. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 188 с.
- 40.Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. –М.: Наука, 1974. – 352 с.
- 41.Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.
- 42.Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. Изд.3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 184 с.
- 43.Ульзетуева З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 230 с.
- 44.Франк И.М. Монгольские народные сказки. Монгол Ардын үлгэр. – М.: Изд-во ВКН, 2017. – 112 с.
- 45.Хронопуло Л.Ю. Глагольное словоизменение. Японский глагол // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол / под ред. В.Г. Гузева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – 396 с.
- 46.Черемисина М. И., Тазранова А. Р. Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2006.
- 47.Шершнева Е.В. Грамматика финского языка в таблицах и схемах. – СПб.: Виктория плюс, 2016. – 128 с.

48. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 259 с.

Список источников:

1. Монгольский язык. Монгольские народные сказки /пособие подгот. Вадим Понарядов. – М.:АСТ: ХРАНИТЕЛЬ: Восток – Запад, 2008. – 94 с.
2. Мива Хироко. Дзитэнся-дэ ико: (Поехали кататься на велосипеде). Токио,1996.
3. Харуки Мураками. Дансу дансу дансу. (Дэнс дэнс дэнс). Токио, 2004.
4. Харуки Мураками. Сикей-о мотанаи тадзаки цукуру то каре-га дзюнрей-но тоси. (Бесцветный Цкуру Тодзаси и годы его странствий). Токио,2015.
5. Ahmed Hamdi Tanpınar. Huzur. İstanbul, 2017.
6. Elif Şafak. Aşk. İstanbul, 2009.
7. Ömer Seyfettin. Seçme hikayeler. İstanbul, 2008.
8. Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu. İstanbul, 2013.
9. Sabahattin Ali. Değirmen. İstanbul, 2011.
10. Sabahattin Ali. Kuyucaklı Yusuf. İstanbul, 2008.
11. Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul,2014.
12. Sabahattin Ali. Sırça Köşk. İstanbul, 2003.

Список сокращений названий художественной литературы:

МХ – Мива Хироко. Дзитэнся-дэ ико: (Поехали кататься на велосипеде).

МЯ – Монгольский язык. Монгольские народные сказки.

ХМ ДД – Харуки Мураками. Дансу дансу дансу. (Дэнс Дэнс Дэнс).

ХМ СМ – Харуки Мураками. Сикей-о мотанаи тадзаки цукуру то каре-га

дзюнрей-но тоси. (Бесцветный Цкуру Тодзаси и годы его странствий).

AT H – Ahmed Hamdi Tanpınar. Huzur.

EŞ A – Elif Şafak. Aşk.

ÖS – Ömer Seyfettin. Seçme hikayeler.

RNG Ç – Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu.

SA D – Sabahattin Ali. Değirmen

SA SK – Sabahattin Ali. Sırça Köşk.

SA KY – Sabahattin Ali. Kuyucaklı Yusuf.

SA KMM – Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna.

Список сокращений, используемых при глоссировании:

1	1 лицо
2	2 лицо
3	3 лицо
ABL	аблатив
ACC	аккузатив
AUX	вспомогательный глагол
AUX.S	вспомогательный глагол окончательного действия
CNV	деепричастие

COM	КОМИТАТИВ
CONJ	СОЮЗ
COP	СВЯЗКА
DAT	ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ
DISTR	РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ СОГЛАСНЫЙ
DSD	ДЕЗИДЕРАТИВ, ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ
GEN	ГЕНЕТИВ, РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ
IMP	ИМПЕРАТИВ
INS	ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПАДЕЖ
IPFV	ИМПЕРФЕКТ
LOC	ЛОКАТИВ
NEG	ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ СТАТУС
NML	СУБСТАНТИВАТОР
NOM	НОМИНАТИВ
PART	ЧАСТИЦА
PART.INTN	УСИЛИТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА
PL	МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО
POSS	КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
PRED	ПРЕДИКАТИВ
PRG	ПРОГРЕССИВ, НАСТОЯЩЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ
PRS	НАСТОЯЩЕЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

PST	прошедшее время
QUOT	цитационный союз
SAF	субстантивно-адъективная форма
SF	субстантивная форма глагола (имя действия)
SG	единственное число
TOP	топик